

Причина, по которой эти маленькие создания так сильно отличались друг от друга, крылась в том, что Юань Цзыжу постепенно собирал их по одному в каждом из миров, где ему доводилось побывать.

Сначала, пока Юань Цзыжу помогал просящему исполнить его желание, лица маленьких марионеток в точности повторяли облик того, к кому обращались с мольбой. Но стоило желанию исполниться, как лицо куклы тут же менялось, принимая черты самого просящего.

Ростом эти малютки едва доходили Юань Цзыжу до колена. Как только он снимал с них чары, они начинали радостно кружиться вокруг него, наперебой выкрикивая: «Хозяин! Хозяин!». Некоторые, особенно озорные, цеплялись за полы его одежд и, пытаясь взобраться наверх, смешно сопели.

В такие моменты маленький кролик, едва заметив суматоху, тут же отпускал Юху Цинчжоу и, подбежав, разгонял всю компанию. Поскольку внутри кукол хранились все воспоминания бывших просящих, их характеры были совершенно разными, но, поскольку все они были вырезаны руками Юань Цзыжу и предназначались для его нужд, они с самого начала питали к нему глубокую привязанность.

Часто, когда марионетки облепляли Юань Цзыжу так, что он не мог и шагу ступить, именно кролик брал на себя роль воспитателя. Видимо, за долгие годы жизни рядом с Юань Цзыжу кролик пропитался его аурой, поэтому, когда он проявлял строгость, куклы становились удивительно послушными. Юань Цзыжу каждый раз наблюдал за этим с огромным удовольствием.

Сам он был человеком весьма беспечным и ленивым, поэтому никогда не повышал на них голоса. По сравнению с кроликом, в глазах марионеток их настоящий хозяин в некоторых ситуациях выглядел куда менее авторитетно. Впрочем, с того самого момента, как Юань Цзыжу собрал свою первую куклу, эти малыши никогда его не боялись.

Даже сейчас, когда он без единого звука расправился с таким количеством людей, куклы словно и не заметили этого. Если сказать иначе — что бы он ни делал, в их глазах это было само собой разумеющимся.

Подумав об этом, Юань Цзыжу достал из рукава еще не законченную марионетку, созданную по желанию Шань Жуна. Хотя она все еще сохраняла облик Ху Тяня, это не мешало ему ждать ее завершения с особым трепетом.

Почему? Потому что Шань Жун был особенным. Его стойкий характер и уникальный путь совершенствования не только вызывали у Юань Цзыжу глубокий интерес, но и заставляли с нетерпением ждать, во что превратится эта кукла.

Пока Юань Цзыжу предавался безмятежности, Юху Цинчжоу и Великому старейшине пришлось несладко. После того как Ху Тянь и его спутники ушли, Юань Цзыжу беззвучно воздвиг барьер. Теперь, кроме него, внутри оставались лишь эти двое. Они пытались

воспользоваться моментом, когда хозяин был отвлечен, и сбежать, но как бы ни старались, какие бы способы ни пробовали, выбраться наружу не могли.

Если поначалу Юху Цинчжоу не понимал слов Юань Цзыжу, то, увидев превращения марионеток, он смутно начал догадываться о правде. Оказалось, что, пытаясь перехитрить другого, он сам попал в расставленные сети. Если бы не вмешательство тех злых монахов-еретиков, Юху Цинчжоу ни за что не стал бы так спешить с осуществлением своего плана.

Теперь же его разум был ясен как никогда: противник просто хотел одним выстрелом убить двух зайцев. Пока Юху Цинчжоу жаждал истребить клан Лисиц, Шань Жун стремился отомстить двум кланам, а корнем этой вражды, несомненно, были Ху Тянь и Юху Хуаи.

Заметив движение, Юань Цзыжу бросил на них взгляд, но не стал чинить препятствий. Он слегка щелкнул кролика по длинному уху, и тот, поняв намек, вразвалочку поскакал к барьеру. Кролик укусил невидимую преграду, и та мгновенно проявилась, а затем на глазах у Юху Цинчжоу начала трескаться и рассыпаться.

Кролик, уже принявший свой истинный облик, напоследок угрожающе клацнул перед носом Юху Цинчжоу зубами. Юху Цинчжоу, который никогда в жизни не думал, что доживет до того дня, когда его принизит какая-то тварь, позеленел от ярости, но, сдерживаемый Великим старейшиной, не решился на глупости.

Когда они вместе с остатками клана Юху удалились, Юху Цинчжоу ни разу не оглянулся. Юань Цзыжу развернулся и, забрав кролика и кукол, тоже ушел.

— Скажи, почему ты сегодня здесь появился? — спросил Юань Цзыжу.

Хотя кролик не мог говорить по-человечески, у него были свои способы общения.

— Душа Шань Жуна ведет себя странно, — его голос звучал мягко и по-детски.

— О? — Юань Цзыжу удивленно приподнял бровь.

По идее, такого быть не должно. Уходя из Вань Юань Сюань, он лично проверял, надежно ли установлены Треножник Успокоения Души и Благовоние Успокоения Души. Раз уж случилась такая неприятность, а дела здесь были завершены, Юань Цзыжу решил немедленно вернуться.

Войдя в комнату, он увидел, что душа Шань Жуна, парящая над треножником, действительно выглядит крайне беспокойной. Юань Цзыжу коснулся центра сосуда, убедился, что все в порядке, понюхал щепотку благовоний и даже осмотрел пепел, оставшийся в чаше. Нахмурившись, он спросил:

— Когда это началось?

Кролик покачал пушистой головой:

— Я заметил вчера в полдень. Сначала подумал, что ничего страшного, поэтому не стал беспокоить тебя. Но когда увидел, что это повторяется, решил позвать тебя.

Юань Цзыжу кивнул:

— Понятно.

Он глубоко вздохнул и прошептал, словно самому себе:

— Зачем же ты так мучаешь себя?

Стоило ему произнести эти слова, как Шань Жун, погруженный в дымку благовоний, медленно открыл глаза. Он повернул голову и посмотрел на Юань Цзыжу. Тот снова тяжело вздохнул. Раз с благовониями и треножником все было в порядке, значит, проблема крылась в самом Шань Жуне.

За тысячи лет Шань Жун стал единственным, кому удалось одной лишь силой воли пробиться сквозь оковы его благовоний и очнуться. Это было достойно уважения.

Шань Жун попытался сесть, но дымка, окутывавшая его тело, не давала пошевелиться. Юань Цзыжу взмахнул рукой, убирая треножник.

— Ты хоть понимаешь, что если бы тебе не повезло, твоя слабая душа могла бы просто рассыпаться от этого благовония?

Шань Жун, еще не до конца осознавая, где реальность, а где сон, лишь слабо покачал головой:

— Не знал.

Когда сосуд исчез, струйки дыма, послушно следуя воле хозяина, осторожно опустили тело Шань Жуна на пол. Едва коснувшись ногами земли, Шань Жун пошатнулся — то ли от долгого неподвижного состояния, то ли от слабости. Юань Цзыжу, не желая, чтобы тот упал, сделал шаг вперед и подхватил его, а затем, поняв, что тот не может стоять, аккуратно уложил на кровать.

Только сейчас Шань Жун окончательно пришел в себя. Поняв, что находится в такой близости к человеку — чего с ним не случилось со времен Ху Тяня — он густо покраснел от смущения. Юань Цзыжу нашел это забавным. Лисы от природы были хитрыми созданиями, поэтому такая детская простота Шань Жуна казалась ему чем-то невероятно ценным.

Он потрепал Шань Жуна по голове, любя его за эту искренность. Увидев, что юноша смущен еще сильнее, Юань Цзыжу сжалился и присел на край кровати.

— Видимо, придется мне доработать рецепт благовоний, — пошутил он, — иначе, если у каждого гостя в моей лавке будет случаться подобное, Вань Юань Сюань придется закрыть.

Шань Жун, глядя снизу вверх на самого прекрасного мужчину, которого он когда-либо видел, замахал руками:

— Дело не в благовониях, это я сам...

Юань Цзыжу догадывался, в чем причина, но его больше интересовало другое:

— Постой, откуда ты узнал, кто я такой?

Шань Жун замер. Видя, что вопрос задан вполне серьезно, он в недоумении ответил:

— Во сне я видел обрывки воспоминаний, похожих на твои. Разве не каждый видит такое во снах?

Юань Цзыжу был искренне поражен. Даже он сам, кроме смутных догадок, не мог вспомнить ничего из своего прошлого. За все прошедшие годы ни один просящий не рассказывал ему о подобном.

Впрочем, это его не огорчило. Он улыбнулся и снова погладил Шань Жуна по волосам:

— Видимо, мы с тобой действительно связаны судьбой.

Он не стал спрашивать, что именно Шань Жун увидел в тех снах. Если он сам когда-то решил забыть и выбросить это из головы, то нет смысла ворошить былое. Вместо этого он спросил:

— Ты видел те воспоминания, которые я показал Ху Тяню?

Лицо Шань Жуна мгновенно побледнело, но он неуверенно кивнул. Юань Цзыжу почувствовал странную жалость к этому ребенку. Сегодня он вздыхал чаще, чем за всю свою жизнь.

Это маленькое лисеныш был воистину особенным. По логике, он не должен был видеть то, что предназначалось лишь для Ху Тяня. Юань Цзыжу не знал, как объяснить это Шань Жуну. Он никогда не хотел, чтобы этот чистый юноша узнал о кровавых реалиях прошлого. Иногда неведение — это и есть счастье. Но раз уж тайна раскрыта, разве можно просто закрыть на это глаза?

— Хотя я видел лишь начало, а остальное было очень туманным, я смог догадаться о многом, — тихо произнес Шань Жун. — Я хочу лишь спросить: те воспоминания... они были правдой?

Юань Цзыжу хотел утешить его, сказав, что это была лишь ложь, придуманная для обмана Ху Тяня, но, встретившись с серьезным взглядом Шань Жуна, сдался. Он едва заметно кивнул.

— Да, это правда, — прошептал он, и слова его, казалось, растворились в воздухе.

Глаза Шань Жуна расширились от потрясения, и он словно увял на глазах. Юань Цзыжу не знал, как его успокоить, поэтому просто остался сидеть рядом.

— Могу я увидеть всю жизнь моих родителей? — наконец спросил Шань Жун. Его хрупкое тело в этот момент казалось способным вынести любую тяжесть мира.

Юань Цзыжу колебался:

— Ты уверен? Это очень жестоко и тяжело.

Шань Жун поднял голову и выдавил улыбку:

— Да. Я всегда думал, что родители бросили меня из-за того, что я полудемон. Так мне говорили в клане Лисиц. Но если они любили меня, а я этого не знал... какой же это грех? Я их сын, и я обязан узнать правду.

Юань Цзыжу посмотрел на него с состраданием:

— Что ж... хорошо.

Едва последнее слово прозвучало, Шань Жун почувствовал, как мир вокруг исказился, и в следующее мгновение оказался посреди цветущего персикового сада. Услышав смех, он пошел на звук, но стоило ему сделать шаг, как пространство вокруг снова свернулось.

Когда он увидел Юань Цзыжу, страх в его сердце немного утих.

— Почему ты так добр ко мне? — спросил Шань Жун.

Юань Цзыжу рассмеялся:

— Разве я добр? — он сам казался озадаченным. — Знаешь, я и сам хотел бы знать ответ на этот вопрос.

Он взял Шань Жуна за руку:

— Пойдем. Раз уж ты решил, идем.

Шань Жун послушно следовал за ним, переходя из одного воспоминания в другое. Он смеялся, плакал, злился и в конце концов рухнул под тяжестью увиденного. Когда они вернулись в Вань Юань Сюань, лицо Шань Жуна было застывшей маской невыносимой боли.

Когда наступил рассвет, он спросил:

— Почему в моих воспоминаниях никогда не было отца и матери?

Юань Цзыжу слегка надавил пальцем ему на лоб — именно там глава клана Лисиц стер или изменил его память. Вспомнив все, Шань Жун прошептал, и в его голосе сквозила ледяная ненависть:

— Хорош же глава клана... хорош же клан Лисиц... Ха-ха-ха...

Он разразился безумным смехом. Юань Цзыжу позволил ему уткнуться в свою грудь. Наконец Шань Жун перестал дрожать, сжал кулаки и глубоко вздохнул.

— Ты обещал помочь мне отомстить лишь Ху Тяню, — сказал он приглушенно. — Но ты сделал гораздо больше. Спасибо тебе.

Юань Цзыжу понимал, что тот имеет в виду. Если бы он хотел просто исполнить желание, ему не нужно было втягивать в это весь клан.

— Пустяки, это было несложно, — небрежно бросил он, погладив Шань Жуна по голове.

Хотя Юань Цзыжу говорил так просто, Шань Жун навсегда запомнил эту доброту.

— Раз уж ты все знаешь, хочешь сделать последний шаг сам?

Глаза Шань Жуна загорелись:

— Можно?

— Разумеется, — Юань Цзыжу помог ему встать и усадил на стул. — Не бойся, я буду рядом.

В глазах Шань Жуна полыхал огонь такой разрушительной силы, что Юань Цзыжу запомнил

это на всю жизнь. Как бы долго этот лисенок ни следовал за ним, Юань Цзыжу никогда не забывал этого мучительного перерождения, случившегося в пепле.

Ху Тянь последние дни был занят делами клана. Спустя десять дней, когда все было улажено, однажды вечером он получил письмо.

— Это просил передать мой хозяин, — маленькая марионетка, едва доходившая ему до колена, протянула предмет.

— Кто твой хозяин? — спросил Ху Тянь.

Малыш не ответил:

— Хозяин сказал, что ты все поймешь, когда прочитаешь.

Убедившись, что Ху Тянь взял письмо и, прочитав его, сжег дотла, кукла радостно поскакала прочь. Ху Тянь нахмурился, погрузившись в раздумья, а затем его аура внезапно вздрогнула.

<http://bllate.org/book/22153/2307669>